

1

Инспектор уголовного розыска Пилия сидел в дежурной части и, не обращая внимания на женские стоны из арсенала, быстро вписывал что-то между строк на листе бумаги. Иногда он поднимал голову и без усмешки косился на звуки. Время от времени звонил телефон. Дежурный, крутоносый тапир, сонно отвечал в трубку. Ночь была душная, тяжелая.

В дальнем углу дежурки, в клетке, метался бесшумно и быстро, как зверь, чернявый парень.

Наконец Пилия кончил писать.

— Эй, какое сегодня у нас число? — крикнул он дежурному.

Лейтенант повернулся к стенному календарю:

— Двадцать пятое августа восемьдесят седьмого года.

— Год я еще и сам помню, балда, — пробурчал Пилия, исправил что-то напоследок в листе и аккуратно вставил его в железные ушки “дела”. Захлопнул папку и посмотрел на часы — не пора ли снимать подвешенного на наручниках наркушу, которого он случайно выловил днем: заходил в подъезд к любовнице и наткнулся на него, когда тот мурыжил с пакетами, что-то пересыпая.

Из арсенала появился начальник угрозыска, толстый и румяный, доброжелательно-голубоглазый майор Майсурадзе. Отдуваясь, он присел возле стола и стал платком вытирать грудь под расстегнутой синей форменной рубашкой.

— Ну как, ничего? Показала она тебе класс? — спросил Пилия, указывая глазами на железную дверь, из-за которой теперь доносились шорохи одежды и тихий перестук каблучков.

— Потрясающе! Прямо заново родился! — кивнул майор, напяливая галстук на резинке.

— Дай бог, — усмехнулся Пилия. — Она мастер своего дела. Если б все так работали, давно бы коммунизм был...

— И где ты выуживаешь таких рыбок? — с заинтересованной завистью глянул на него майор.

— Работа такая. — Пилия со скрежетом отъехал на стуле к железному шкафу и закинул туда “дело”.

— Как ее зовут?

— Гита.

— Что за дурацкое имя?

— Осетинка. В тиски взял после ареста ее отца. Он из Орджо в Тбилиси левый спирт возил...

— Посходили они там с ума с этим спиртом, как будто анаши им мало, — согласился майор, крутя головой и растягивая резинку галстука.

Дверь скрипнула. Появилась хорошо сложенная блондинка, яркое пятно среди этих унылых стен в грязных серых разводах. Челка закрывала лоб до бровей. Большая грудь колыхалась при ходьбе. Губы были уже ярко накрашены.

— Ну что? Теперь я могу идти?.. Хоть сигареткой угостите!.. — Она увидела на столе пачку “Кэмела” и моментально выхватила из нее несколько сигарет.

— Куда идти? — удивился Пилия, вставая. — Ну-ка садись! Ты что думаешь, я тебя из-за этого позвал? — Он сделал неопределенный жест в сторону майора. — Сесть!

Женщина сникла и, боязливо обогнув коренастую фигуру инспектора, села.

— Давай выкладывай все по порядку! — нагнулся над ней Пилия.

Оправив юбку на бедрах, она вздохнула и принялась давать отчет. Все сделано так, как ей было велено: она приняла приглашение своего престарелого партийца (за которым уже несколько месяцев следила по поручению Пилии), отправилась с ним в Батуми и там видела, как люди приносили ему деньги.

— Доллары, вот такие пачки! — Она показала красивыми пальцами толщину пачек. — Дальше как обычно... Встречаемся раз в неделю на минет, он мне что-нибудь дарит — вот и всё...

— Дарит? Он что, Дед Мороз? Деньги дает?

— Иногда...

— Неплохая работа у тебя: отсосала — и свободна, закрывай рот и открывай кошелек! — засмеялся майор, а Пилия, недовольно покосившись на него, подытожил:

— В общем, так... Мне нужна его записная книжка. Перепиши ее.

— Трудно. Но сделаю. Кстати, он меня и в Пицунду пригласил...

— Очень хорошо, поезжай... Книжку перепишешь — раз. Всех, с кем он встречается, — список мне, два. Дом по возможности обыщи — три. Только очень осторожно!

— А что искать-то? — с любопытством спросила женщина.

— Не имеет значения. Что найдешь, то и найди. Деньги, цацки, порно, оружие, кайф! Бояться тебе нечего — все умрет тут, между нами. Ты меня знаешь... Ты вообще в этом деле так, дополнительно. По своей линии соси из него, что можешь, я у тебя доли не прошу, но учти — времени у тебя мало. Чтоб через две недели копия книжки была у меня! И рассказ о том, что нашла...

На протяжении разговора майор сидел молча. Когда женщина встала, он тоже вежливо поднялся:

— Извините, я забыл ваше имя!

— Гита, — ответила она.

Тогда он так же вежливо попросил телефон — “на всякий случай”. Пилия усмехнулся, а Гита пробубнила:

— Дома у меня нет телефона.

— А на работе?

— Я не работаю.

— У соседей? — с нажимом сказал майор, и глаза его, потеряв прежнюю улыбочивость, стали злыми.

— Я живу в новом районе, там еще нет телефонов...

— Как же с тобой клиенты связываются, а, соска? — оскалился майор.

— Я звоню сама...

— Ах, вот как... Ну, хорошо! Тогда вот тебе мой телефон, будешь звонить мне по вторникам и пятницам... ровно в полдень. Ясно? — повторил он и, наклонившись над столом, написал свой номер на клочке картона от сигаретной пачки.

Гита поверх его спины показала Пилии глазами, что ей все это неприятно. Тот презрительно пожал плечами. Ему тоже не понравилась настырность майора — Пилия просто сделал бурдюку одолжение, увидев, как тот загорелся при виде Гиты, забежавшей по экстренному вызову. Ну ничего, пусть, ее не убудет, сочные губы только крепнут от работы...

Когда Гита, перебирая каблучками, уходила, дежурный тапир проснулся и вытаращился на ее задницу. Чернявый арестант

тоже замер. А майор глубоко вздохнул. После ухода осетинки в дежурке снова стало тускло. Пилия отправился в подвал за пойманным морфинистом.

К решетке окна наручниками был прикован плешивый парень. Он обвис мешком и плакал. Невдалеке от него сидел инспектор Бежан Макашвили по кличке Мака — аккуратный брюнет с кобурой через плечо — и просматривал журнал.

— Ну что, тварь, подумал? Или еще повесишь? — ткнул Пилия ногой морфиниста. — Как он себя ведет, Мака?

— Плачет, — ответил тот, зевая. — Надоел уже, хнычет и хнычет, как баба. Гела, мне уходить надо, мама в больнице...

Морфинист заскулил:

— Отпустите... Умираю...

— Будем разговаривать? — спросил у него Пилия.

— Будем, будем...

— Ладно, сними его. Потом можешь идти, я сам с ним разберусь!

Мака обрадованно снял наручники, усадил наркомана на стул и исчез.

Тот продолжал всхлипывать, бормоча:

— У меня печень большая, я умру...

— Не умрешь!.. А умрешь — засунем в машину, вывезем за город и зароем на свалке. Голову сперва отрубим, чтоб никто не опознал... Или сожжем к черту! У нас в столовой печь здоровая, трое таких доходяг, как ты, поместятся разом... Вставай, пошли! — вдруг приказал Пилия.

— Куда? — испугался парень.

— В тюрьму, куда же еще?

При слове “тюрьма” морфинист залился слезами:

— Как в тюрьму? Куда в тюрьму? Дайте отцу позвонить! Папе позвонить хочу, папе!

— Позвонишь... С того света... Пошли! Майор поговорит с тобой.

Когда они поднялись в дежурную часть, майор, уже аккуратно причесанный и строгий, сидел за столом, просматривая “дело”.

— Вот, полюбуйся, это подонок Кукушвили, которого я выловил в подъезде...

— Как твоя кличка, гнида? — спросил майор.

— Кукусик, — машинально ответил морфинист.

— Кукусик? Ты смотри! Так это и есть главный барыга? — спросил майор в никуда. — Придется тебе отвечать по всей стро-

гости нашего советского закона! Сейчас, мой дорогой Кукусик, вышел приказ — барыг стрелять без суда и следствия. Попытка к бегству — и всё. Ушел на рывок — и пуля в затылок. Ясно? Распоряжение Совмина! Понял? — повысил он голос.

— Какой я барыга! Кого стрелять? Зачем? — в ужасе пробормотал Кукусик.

— По мне — так вот этот убийца, — и майор, не глядя, кивнул в сторону клетки, где бесшумно сновал чернявый тип, — вот этот езид¹, убийца Амоев, в тысячу раз лучше тебя, барыги проклятого!

Кукусик замахал кровотокащими руками:

— Что вы, какой я барыга?! Сам всю жизнь ищу, где бы что купить!

— Вот оно что! — протянул майор, а Кукусик продолжал, захлебываясь, доказывать:

— Да я... Да я... Да я свой заход самому Богу не отдам! Все из дому вынес, все продал ради лекарства! Какой я барыга? Я больной человек...

— Мы! Всё! Знаем! — зловеще отчеканил майор. — Ты где рос, подонок? Где воспитывался? Чему тебя в детстве учили, тварь? Кокнаром² торговать? Кому ты нес кокнар, у кого брал?.. Молчишь?.. Утром будешь в тюрьме, а там тебя быстро в задницу трахнут, будь уверен! Я лично позабочусь, чтоб тебе самый толстый хер достался... Говори, у кого брал, кому нес?

— Никому не нес. Нашел, — отрешенно ответил Кукусик.

Пилия с размаху ударил его по затылку так увесисто, что морфинист ткнулся носом в стол и залился кровью.

— У кого брал? Говори, гад!

— Мой, — разбитыми губами выдавил Кукусик.

— Твой? Ты что его, в кармане вырастил? У кого брал, сука? — заорал Пилия и еще раз ударил морфиниста ребром ладони по шее.

По-собачьи пригнувшись, морфинист заголосил:

— Я его имени не знаю. Там, на перекрестке, стоит...

— Так. Имени, стало быть, не знаешь... Врешь! Сейчас не то время, чтобы имени не знать! То время ушло, когда на Майдане косой Або через форточку башами торговал за копейки! Сейчас все всё знают. И ты всё знаешь. И скажешь, поверь мне! И имя вспомнишь, и дом покажешь. Сейчас и поедем туда,

¹ Этноконфессиональная группа в составе курдов.

² Маковая солома.

понял? — ледяным тоном процедил майор, а Пилия потряс наручниками:

— Видишь? Кандалы! Сейчас тебя верх ногами повесим, пару раз по яйцам дубинкой да по башке ногой — быстро и имя, и фамилию, и отчество, и кличку, и дом, и квартиру, и где бабушкины трусы лежат — все сразу вспомнишь!

И Пилия подкрепил слова новой оплеухой, а майор двинул телефонным справочником Кукусика по темени. Зубы у того клацнули, он запнулся и уронил голову на стол. Но Пилия за шиворот поднял его и как следует встряхнул.

Кукусик, выкатив глаза, залепетал:

— Какие бабушкины трусы?.. За что?.. Где адвокат? Папа-мама? Сейчас перестройка, гласность...

— Что-о? — взревел майор. — Перестройка? Вот тебе перестройка! — И он смачным жестом указал на свою ширинку, а Пилия со словами: “Вот тебе гласность, ублюдок!” огрел звенящими наручниками морфиниста по почкам.

Тот, пискнув, повалился на пол. При звуке упавшего тела дежурный тапир открыл глаза и, обалдело оглядев помещение, опять закрыл их. Убийца Амоев, замерший на миг, продолжил свой звериный крутёж. Ботинок Пилии уже завис над морфинистом, но майор жестом остановил его:

— Подожди! Может, он одумался? Он мне, ей-богу, кажется неплохим парнем. Ну-ка, посади его за стол. Кто твой отец, Кукусик?

— Управляющий трестом... Дайте я ему позвоню! — с надеждой прохлюпал Кукусик с пола.

— Никуда ты не позвонишь, пока на наши вопросы не ответишь. Я тебя лично в подвале придушу! Ты же барыга из барыг: пол-Союза отравил! Задницу надо тебе проткнуть шампуром, а яйца в мангале испечь! Любишь печеные яйца козла?.. Будешь у нас вешалкой! — Пилия опять, теперь уже слегка, ткнул его ногой.

— Кого я отравил? Какой я барыга? — Кукусик сложил молитвенно руки, обращая с пола окровавленное лицо к майору. — Какая вешалка?

— А такая, на которую все дела вешают! Все висяки нераскрытые! — охотно объяснил майор.

— Мы всё знаем, вас всех закладывает наша насадка, мы всё про всех знаем, — сказал Пилия, закуривая. — Сообрази сам, как я оказался в том подъезде? И именно в это время? Как раз на

Третьем Массиве?¹ Именно в том доме, где я тебя взял? А?.. Вот так-то! Тебя просто сдали, как овцу. А ты будешь за всех срок тянуть и страдать. Тебе, дорогой, за этот кокнар как минимум семь лет сидеть... Еще и пару убийств навесим, обещаю. У нас их навалом, нераскрытых...

— У тебя дети есть? — спросил участливо майор у Кукусика.

— Да, дочка, маленькая...

— Ты еще не знаешь, что твои дружки хотели сделать... Дочку выкрасть и потребовать выкуп! — вступил майор.

— Не может быть... — прошептал морфинист.

Пилия удивился такой неожиданной импровизации, а майор продолжал развивать ее:

— Да... Мы за тобой давно следим... И сдали тебя, и дочку хотели украсть. Кстати, задержание зарегистрировано? Проведено в сводке? Ордер на обыск дома оформлен? — обернулся майор к Пилии.

— Нет еще.

— Немедленно оформить! — морозным тоном произнес майор и зашуршал бумажками.

— Не надо, не надо, очень прошу, какой обыск... — ошарашенно заныл Кукусик.

Майор долгим взглядом посмотрел на него:

— Как это не надо? Обязательно надо! — Потом, как бы раздумывая, добавил: — И все-таки жаль мне его, хоть он и сучий барыга... Зачем он должен один за всех на всю катушку отдуваться? Пусть те, кому он нес, расплачиваются.

— Дайте позвонить, — быстро проговорил Кукусик с пола, почувствовав какую-то оттепель, но майор печально покачал головой:

— Никаких звонков, запрещено!

— Как же я скажу, чтобы деньги принесли? — развел руками морфинист.

— Что за деньги? — удивился майор, будто впервые в жизни услышав это слово. — Какие деньги, ты что? Садись лучше, пиши список наркоманов! Укажи всех, кого знаешь. И кому нес. И у кого купил. Пиши, как Руставели. А дальше мы сами...

— Не бойся, твоего имени никто не услышит, — заверил Пилия взъерошенного морфиниста, поднял его с пола и усадил на стул. — Напишешь — выпустим, еще на дорожку заход дадим.

¹ Новый район Тбилиси.

А не напишешь — все, хана тебе: в тюрьме на параше гнить будешь, носки вонючие лизать! С барыгами так делают, сам, наверное, знаешь.

Майор подтвердил, серьезно покачав головой:

— Замучают, не сомневайся. У тебя губы вон какие... Пухлые... Вмиг опетушат! Сколько у тебя отравы было? — осведомился он.

— стакан, не меньше, — ответил за него Пилия. — А может, и больше... Я еще не мерил... Утруска, усушка, — добавил он с намеком.

— Это не мой кокнар! Это вы его подкинули! — взвизгнул Кукусик, утирая кровавые сопли, но кулак инспектора снова рухнул ему на затылок.

— С кем кайфуешь? Кому нес?

После этого удара морфинист затих. Глаза его были закрыты, со лба тек пот, а из-под век струились слезы. Мелко тряся головой и посидев так в молчании (во время которого инспектор и майор обменялись понимающими взглядами), он хрипло прошептал:

— И что... И что вы с ними сделаете?

— С кем — с ними?

— Ну, кому нес... Если скажу?

— А ничего! — деланно-равнодушно ответил майор. — Скажем, чтоб деньги собрали, принесли, выкупили тебя — и всё. Что мы, псы, еще делаем? Вы же нас псами называете? Собаками?

— И... Больше ничего? Не посадите? — выдавил Кукусик, не открывая глаз. — Слово даете?

Майор и Пилия опять переглянулись.

— Честное пионерское! — уверенно оказал майор, а Пилия добавил:

— Если всех наркуш сажать — места не хватит. На черта они нам?

— Ладно! — сказал Кукусик, прерывисто вздохнув. — Только меня не упоминайте. Вообще. Никогда.

Майор поспешно подтвердил:

— Конечно, дорогой, конечно, о чем речь... Зачем нам тебя упоминать, нам же хуже от этого будет... — Заметив, что Кукусик пару раз боязливо взглянул в сторону клетки, где маячила фигура убийцы, он предложил: — Давайте перейдем ко мне в кабинет! Кондиционер включим, боржому выпьем, а то жарко тут. Ну и лето выдалось! Я же говорил, что он хороший парень! — дружелюбно заключил майор, поднимаясь, а Пилия, взяв “дело”, мимоходом спросил у морфиниста:

— Кандалы захватить?

— Нет, нет, зачем? — ужаснулся тот, и Пилия со звоном зашвырнул наручники в арсенал, цепко взял Кукусика за локоть, но тотчас отдернул руку и поспешно обтер ее о сорочку наркомана. — Да он весь мокрый, в ломке!

— Тем лучше! — откровенно ухмыльнулся майор.

Они втроем прошли по гулким этажам и оказались возле кабинета, на двери которого висела табличка: “Начальник уголовного розыска майор Г. И. Майсурадзе”.

Пилия плюхнулся на диван, майор сел за стол и сорвал ненужный галстук, Кукусик поместился на краешке стула, заглядывая им в глаза. Он стал немного приходить в себя.

— Садись удобнее, не стесняйся, Кукусик, — сказал ему майор, доставая бумагу. — Тебе сколько листов? Три, четыре?

— Два, — неуверенно отозвался морфинист.

— На тебе пять.

Пилия, не вставая, дотянулся до сейфа и вытащил прозрачный полиэтиленовый пакетик, в котором темнело что-то вроде пятака.

Кукусик не спускал с него взгляда, как собака — с куска сахара. Пилия развернул пакетик и показал его издали морфинисту:

— Вот, видишь — опиум хороший, чистый, туркменский, не то что твой вонючий кокнар, солома негодная! Хочешь, небось, ломку снять? Ты же в подъезде не успел еще свой заход схватить?

— Не успел. Лучше бы все схавал.

— Сдох бы.

— Дайте — увидите. Я и больше хавал.

— Молодец. Вот опиум, хороший, туркменский, — показал Пилия издали темный пятак опиума.

Кукусик, слотнув, кивнул и уставился на руку Пилии.

— Потом, — пообещал инспектор, пряча опиум в нагрудный карман. — Вначале напиши все как следует, а потом вместе покайфуюем, если вот майор разрешит! — Майор соорудил дружелюбную мину. — И вообще, что ты с этими подонками возишься? Видишь, твою дочь украсть хотели — шутка ли? Захочешь кайфовать — приходи к нам. Здесь, в сейфе, всегда найдется заход для хороших людей. Всегда дадим! И от хулиганов защитим!

— Спасибо! — поблагодарил Кукусик.

Будучи слабым и трусливым, сейчас он вдруг почувствовал даже что-то вроде гордости: он, как равный, беседует с людьми из угро! Было похоже на сцену из видео... Что ж, действительно, если кто-то всех закладывает, то при чем тут он, Кукусик? Псы,

видно, и так всё знают... Что делать? Он попался. Пусть теперь соберут деньги и выкупят его. Им же лекарство нес, рисковал, к Лёвику в такую даль, на Третий Массив, потащился... Пусть соберут! Другого выхода Кукусик не видел и успокаивал себя тем, что и так все известно. Не сидеть же ему, в самом деле... А собаки без денег не отлипнут...

Как бы отвечая на его мысли, майор придвинул к нему бумагу:

— Не бойся: все строго между нами. Никто ничего не узнает. Пиши. Потом снимешь ломку. Болят, небось, руки-ноги?..

Пилия отщипнул от опиума крохотную крошку и кинул на стол. Кукусик прямо со стола с хрипом слизнул ее.

— Пиши подробно: с кем кайфовал, когда, где. У кого покупали, кому отдавали, почему... Адреса, имена, телефоны, клички. А мы выйдем, чтобы тебе не мешать... Будь умницей, Кукусик, и не ищи приключений на свою задницу. В обиду не дадим, не оставим! — подмигнул майор и направился в коридор.

Пилия, кинув еще крошку и прихватив со стола бутылку “Боржоми”, вышел следом. Закуривая, спросил у майора:

— Что будем с этим Амоевым делать?

— Подождем до утра. Я уже говорил с его отцом. Он должен утром принести деньги. Тридцать пять тысяч...

— Что?! Всего-то?! За убийство? — уставился на него с раздражением Пилия.

— Тридцать пять утром и столько же — вечером, всего семьдесят, — неохотно пояснил майор. — Поделим на троих — тебе, мне и начальнику.

Пилия проворчал что-то вроде “знаем этого начальника”, но майор дружески положил пухлую ладонь ему на плечо:

— Ты же в курсе, как хорошо иметь дело с езидами — ни тебе звонков, ни ходатаев, только деньги — и всё. А еще говорят, что они жадные!

— Жаднее наших никого нет! — быстро ответил Пилия, весь вздуваясь от злости: неделю назад прямо из рук ушел большой куш. Позвонили — и дело пришлось даже не закрыть, а захлопнуть.

— Отец этого Амоева — старший бригадир дворников, — сообщил майор. — Плакал у меня в кабинете: “Пять сыновей имею — и все по тюрьмам сидят, хоть этого оставьте, одного, для матери!..” Подождем до утра, а там решим. Да, я всегда говорил: езидов, курдов, греков, армян лучше всего ловить — сразу деньги на стол выкладывают. А от наших поди отбейся — чей-то сын, внук, племянник или даже дедушка, надо отпускать. Нет, лучшее

место на свете — начальник милиции где-нибудь в Глдани или ТЭВЗе¹, где одни черные падлы гнездятся!

В коридоре майор направился в туалет, а Пилия вытащил опиум, украдкой закинул в рот и запил маленькими глотками из бутылки. Потом поболтал через открытое окно с дворником, вздумавшем ночью спяну или по бессоннице мести двор милиции.

Когда они вернулись в кабинет, список лежал на столе.

Получив горстку своего же кокнара, Кукусик сжевал его без воды и отправился в клетку к убийце, окрыленный обещаниями, что завтра (“Как только придет главный начальник!”) его выпустят и дадут “на дорожку” опиума. А майор и инспектор склонились над бумагой и начали читать, изредка обмениваясь репликами...

Прочитав весь список, Пилия удовлетворенно кивнул:

— Ну, тут все ясно — будем действовать, как обычно. А с Кукусиком что делать?..

— На срок пускать — что же еще? — удивился майор.

— Ты же слово дал! — криво усмехнулся Пилия.

— Какое еще слово, ты что, рехнулся?

— Рехнулся не я, а ты! Разве можно его упускать? Он же душой стукач, разве не видно? Я из него сделаю главный передатчик! — сказал Пилия. — Азбука Морзе!

— Кто к нему после этого приблизится? — указывая на список, возразил майор. — Он же по горло в дерьме!

— Выгородим, не упомянем... Зачем резать курицу, золотом какающую? В общем, это мое дело. Тебе не все равно?

— Делай что хочешь, — пожал плечами майор. — И не лень тебе возиться? Стукачей в городе больше, чем морфинистов!

— Не ты ли говорил, что в стукачестве — будущее нашей работы? Зачем бегать, искать, вынюхивать, сидеть в засадах? Может, лучше спокойно пиво пить и ждать, когда тебе позвонят и сообщат, когда, где и кого вязать?.. Еще один не помешает... Кстати, дай несколько обысковых ордеров.

— Я же давал тебе недавно! Ты что, их вместо туалетной бумаги употребляешь? — удивился майор.

— Кончились, — отрезал Пилия. — Бумажек жалко? Я сам их на ксероксе распечатать могу! — севшим голосом добавил он, расчесывая грудь от начавшего давить о себе знать опиума.

— Просто странно, — окрылся майор, но вынул из ящика пачку чистых ордеров, предпочитая не связываться с Пилией.

¹ Новые районы Тбилиси.